

Марксизм и буржуазная экономическая наука

© Мухачев В. В.

© Muhachev V.

Марксизм и буржуазная экономическая наука

Marxism and bourgeois economics

Аннотация. Рассмотрены причины шумного, но оправданного успеха книги Т. Пикетти. Показано, что историческая ограниченность буржуазного мировоззрения, предопределяющая господство метафизического способа мышления над умами теоретиков капитализма, присуща Т. Пикетти и его книге. Однако, будучи с точки зрения марксизма типичным буржуазным исследователем, Пикетти с точки зрения самой буржуазной науки является совершенно не типичным для нее ученым, чья книга заслуживает самого серьезного к ней отношения со стороны всех обществоведов.

Annotation. The article is devoted to analyze the causes of T. Piketty's book success. It is shown that the historical limitations of bourgeois ideology predetermines the dominance of the metaphysical way of thinking on the minds of theorists of capitalism, fully characterized by T. Piketty. At the same time, the author stresses the fact that, as from the point of view of Marxism typical bourgeois researcher, Piketty is absolutely not typical "bourgeois" scientist whose book deserves serious attitude to it on the part of all social scientists.

Ключевые слова. Марксизм, диалектический материализм, буржуазная наука, метафизический способ мышления, производство, распределение, социальное равенство, «правовое» государство.

Key words. Marxism, dialectical materialism, bourgeois science, the metaphysical way of thinking, production, distribution, social equality, "legal" state.

Во всем мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.

До сущности протекших дней,
До их причины,
До оснований, до корней,
До сердцевины.

Борис Пастернак

Заголовок статьи может показаться неуместным для рецензии на книгу экономиста, являвшегося советником С. Руаяль, бывшей в 2007 г. кандидатом от Социалистической партии на выборах президента Франции, которые она проиграла Н. Саркози. Однако соот-

МУХАЧЕВ Вадим Владимирович — главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН (Москва), профессор, доктор философских наук.

несение этой работы французского экономиста с марксизмом обусловлено рядом причин. Во-первых, само ее название («Капитал в XXI веке») вынуждает вспоминать о «Капитале» Маркса, в силу чего в различных откликах на эту книгу постоянно проводятся параллели между исследованием Пикетти и трудом создателя марксизма, а журнал «Экономист» даже объявил, что «Томас Пикетти — современный Карл Маркс». Во-вторых, сам Пикетти, имея определенное представление о Марксе и его идеях, неоднократно делится с читателем этим представлением на страницах своей книги. В-третьих, с точки зрения марксизма Пикетти — видный, пользующийся заслуженным авторитетом представитель именно *буржуазной* экономической науки.

В отличие от подавляющего большинства исследователей социалистической литературы, марксизм для нас — это, прежде всего, учение самих Маркса и Энгельса, которые не только объективно как социалисты-утописты начала XIX в., но и субъективно, осознанно и последовательно стояли на защите интересов пролетариата. При этом, поскольку в революционной деятельности пролетариата они видели способ освобождения людей от всякой эксплуатации человека человеком и наступление «царства» свободы и *социального* равенства для всех, постольку создатели марксизма не были классово-ограниченными людьми, а выступали выразителями интересов *всего* человечества.

Кроме того, марксизм для нас — это еще взгляды тех теоретиков, которые, по словам такого выдающегося марксиста, как Ленин, стоят «в существенном на точке зрения Маркса» [3. С. 87]. Последнее, как известно, удавалось далеко не всем. Многие из тех, кто называл себя и слыл у публики «марксистом», независимо от личных симпатий к пролетариату и антипатий к буржуазии, на деле оказывались теоретиками *псевдомарксизма*.

Поучительна характеристика Лениным одного из своих соратников, большевика и коммуниста Н. Бухарина, чьи работы во время перестройки, когда у нас шли поиски «социализма с человеческим лицом», неоднократно переиздавались, а его взгляды преподносились как марксистские. Называя Бухарина в своем «политическом завещании» «ценнейшим и крупнейшим теоретиком партии», Ленин одновременно отмечал, что «его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть

Пикетти Т. Капитал в XXI веке / пер. с фр. А. Дунаева
М. : Ad Marginem, 2015. 592 с.

отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)» [5. С. 345].

Тем более нельзя всерьез воспринимать в качестве «марксистов» большинство тех, кто во времена СССР был причастен к претендовавшему на «творческое развитие» взглядов Маркса, Энгельса и, конечно, Ленина «марксизму-ленинизму». На деле он представлял собой *догматическое* искажение, *псевдомарксистскую* версию взглядов этих пролетарских теоретиков. Сказанное в равной степени относится ко многим представителям так называемого «западного марксизма», которые, подобно теоретикам Франкфуртской школы, расшаркиваясь перед гением Маркса, воображали и затем презентовали публике *свой* «творческий марксизм» без... пролетариата [1].

Второе замечание касается употребления противниками капитализма эпитета «буржуазный» в отношении известного слоя интеллектуалов, посвятившего себя познанию объективной истины, составляющему содержание подлинной науки.

Взятые в качестве эпиграфа к данной статье слова Пастернака выражают суть познания как отдельных индивидуумов, их *личных* судеб, так и истории целых народов и социума в целом. Под ними могли бы подписаться многие серьезные писатели, исследовавшие общество в новое и новейшее время, однако согласился, лишь немногим из них удавалось дойти «до сущности протекших дней, до их причины, до оснований, до корней, до сердцевины». И каждый раз теоретическое фиаско очередного путешественника за объективной истиной оказывалось следствием ошибочного, осознанно им принятого или стихийно у него сложившегося решения важнейших гносеологических вопросов. Прежде всего — основного мировоззренческого вопроса теории познания, известного больше как «основной вопрос философии» и лежащего в основе любой используемой при изучении общества *методологии* познания.

Дело в том, что *буржуазность* как свойство ученого обусловлена *его* (буржуазным) бытием и потому имеет под собой вполне объективные основания, но, проявляясь субъективно, через личное отношение к господствующим буржуазно-капиталистическим порядкам и тем социальным тенденциям, силам, которые эти порядки защищают или отрицают, это свойство может принимать различные формы. Ими могут быть: откровенный (воинствующий) антикоммунизм; поверхностный, существующий в виде «*зряшного отрицания*» антимарксизм, или «марксоедство»; подчеркнуто-отстраненная от классовой борьбы пролетариата с буржуазией и потому якобы «нейтральная» исследовательская позиция, допускающая *ограниченную*, местами апеллирующую к работам Маркса, но не затрагивающую сути капиталистического способа производства, *критику* буржуазного общества; *ревизионистская* попытка «возвыситься» *над* классовой борьбой пролетариата с буржуазией, при которой признание марксизма на словах сопровождается пропагандой и защитой буржуазных идей

на деле, что превращает «марксизм» таких теоретиков не более, чем в *псевдомарксизм*.

Но за всеми этими субъективными нюансами в воззрениях *буржуазных* теоретиков и различиями в их отношении к пролетариату, социализму и, наконец, марксизму стоит методологически ущербная, *внеисторическая* позиция, полагающая капитализм и буржуазное общество «венцом истории», на который человечество обречено до конца дней. Буржуазные теоретики для Маркса, Энгельса и Ленина являются *такковыми* именно потому, что возводят капиталистический способ производства в абсолют, которым якобы должна завершиться история человечества, и отказываются признать историческую необходимость и закономерность *посткапиталистического*¹ развития. Эта позиция ведет их всех в конце концов к отказу от идеи развития, от диалектики, обрекая на метафизику.

Имея в виду эту особенность современной ему экономической науки, Маркс в «Нищете философии» писал: «Экономисты изображают отношения буржуазного производства — разделение труда, кредит, деньги и т. д. — как застывшие, неизменные, вечные категории... Экономисты объясняют нам, как совершается производство при указанных отношениях; но у них остается невыясненным, каким образом производятся сами эти отношения, т. е. то историческое движение, которое их порождает» [8. С. 129].

Такая антидиалектическая методология приводит к исторической ограниченности буржуазной науки, к тому, что для нее самой неизбежно наступает день, когда она перестает быть *наукой* и превращается в *псевдонауку*, в *идеологию*. Маркс показал это на примере судьбы немецких исследователей капитализма в Германии XIX в. В «Капитале» он писал: «С 1848 г. капиталистическое производство быстро развилось в Германии и... уже переживает горячку своего спекулятивного расцвета. Но к нашим... ученым судьба остается по-прежнему немилостивой. Пока у них была возможность заниматься политической экономией беспристрастно, в германской действительности отсутствовали современные экономические отношения. Когда же эти отношения появились, то налицо были уже такие обстоятельства, которые больше не допускали возможности беспристрастного изучения этих отношений в рамках буржуазного кругозора. Поскольку политическая экономия является буржуазной, т. е. поскольку она рассматривает капиталистический строй не как исторически преходящую ступень развития, а, наоборот, как абсолютную, конечную форму общественного производства, она может оставаться научной, лишь... пока классовая борьба находится в скрытом состоянии или обнаруживается лишь в единичных проявлениях» [6. С. 14].

¹ Термин «посткапиталистический» не следует путать с лексемой «постиндустриальный», которую либеральные теоретики используют для характеристики определенной стадии все того же буржуазного общества.

Антидиалектизм буржуазной науки, превращающий ее в *псевдонауку*, имеет следствием неизбежный переход ее представителей от материализма к идеализму, поскольку *материальная* основа общественного производства берется не во всей ее полноте, не в ее всемирно-историческом, а в урезанном, представленном одним капитализмом масштабе. Мироззренчески буржуазная наука является антиподом диалектико-материалистической методологии марксизма, и именно это обрекает ее на определенном этапе развития капитализма на теоретическое бесплодие.

Точка зрения Маркса на гносеологические корни исторической ограниченности буржуазного обществознания, которые кроются в отрицании диалектико-материалистических законов развития для «мира капитализма», была известна и полностью разделялась Лениным. В хрестоматийной для марксистов работе «Материализм и эмпириокритицизм» он писал, что «*ни единому профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, нельзя верить ни в одном слове, раз речь заходит об общей теории политической экономии. Ибо эта последняя — такая же партийная наука в современном обществе, как и гносеология. ...Профессора-экономисты не что иное, как ученые приказчики класса капиталистов, и профессора философии — ученые приказчики теологов*» [4. С. 363—364].

Буржуазные экономисты, как и остальные буржуазные теоретики (социологи, политологи, философы и пр.), занимающиеся далекими от материального производства и политэкономии предметами, *не могут не рвать с диалектикой и материализмом в мышлении и, следовательно, подлинной, всегда устремленной к объективной истине наукой. Обратное неизбежно превращало бы их в противников капитализма, в социалистов, и лишало бы их того по-буржуазному благополучного места, которое досталось им при исторически сложившемся разделении труда. Чтобы не снять с себя идеологический грим и не обнажить своей буржуазной, вытекающей из их общественного положения при капитализме сущности, эти теоретики отказываются в конце концов от своего профессионального долга — поиска объективной истины, перестают «копать» до конечной сути изучаемого объекта, до экономических корней капиталистического производства.*

В отличие от буржуазных экономистов, которые отказывались от выяснения исторического движения, порождающего капиталистические отношения и саму буржуазию, Маркс начал с товара и денег как «элементарных предпосылок капитала», которые известны еще «добуржуазным формам общества», но «развиваются в капитал только при известных условиях» [7. С. 4]. Затем, исследовав все исторические стадии развития капиталистического способа производства, он на огромном эмпирическом материале доказал *безнравственную, антигуманистическую* суть капитализма, которую описал вскоре после открытия им материалистического понимания истории и создания «диалектического материализма» как *общенаучного* метода познания.

В далеком 1847 г. в «Нищете философии» будущий автор «Капитала» писал: «Наконец, пришло время, когда все, на что люди привыкли смотреть как на неотчуждаемое, сделалось предметом обмена и торговли и стало отчуждаемым. Это — время, когда даже то, что дотоле передавалось, но никогда не обменивалось, дарилось, но никогда не продавалось, приобреталось, но никогда не искупалось, — добродетель, любовь, убеждение, знание, совесть и т. д., — все, наконец, стало предметом торговли. Это — время всеобщей коррупции, всеобщей продажности, или, выражаясь терминами политической экономии, время, когда всякая вещь, духовная или физическая, сделавшись меновой стоимостью, выносится на рынок, чтобы найти оценку, наиболее соответствующую ее истинной стоимости» [8. С. 73—74].

Эта нравственная оценка Марксом капитализма *всеобща*, она применима к этому способу производства и соответствующего ему буржуазного общества *у всех народов и во все времена*. По мере своего развития, расширения *мирового* рынка путем охвата всемирно-экономическими связями новых народов и стран, капитализм давно превратился во *всемирную* и одновременно *всеобщую* «торговую площадку», где торгуют *все и всем*, торгуют как по «законам» буржуазного государства, так и по «понятиям» криминального мира. И тот, и другой вид торговли постоянно пересекаются между собой, рождая, повторим вслед за Марксом, «всеобщую коррупцию».

Нравственность при капитализме неуклонно, достигая шокирующего общественность уровня, стремится вниз. В результате вся история капитализма, в том числе *постсоветского* его варианта, полностью опровергает домыслы проповедников «рыночной экономики».

* * *

Научная карьера Т. Пикетти (1971 г. р.) с самого начала развивалась успешно и стремительно. Получив степень бакалавра и углубившись затем в изучение математики и экономики в Высшей нормальной школе, он в 22 года получил докторскую степень за написанную им в Лондонской школе экономики и политических наук диссертацию о перераспределении богатства. Она получила награду французской экономической ассоциации как лучшая диссертация года. После этого Пикетти был приглашен для работы в США, а затем, вернувшись во Францию, сотрудничал с Национальным центром научных исследований в качестве исследователя.

В 2000 г. Пикетти стал профессором Высшей школы социальных наук, а два года спустя получил «Приз лучшему молодому экономисту Франции». В 2012 г. американский журнал «Форин полиси» включил его в список ста наиболее влиятельных интеллектуалов мира, а еще через год Пикетти опубликовал исследование «Капитал в XXI веке», английский перевод которого появился в апреле 2014 г. Месяц спустя эта книга заняла первую позицию в списке «бестселлеров», по версии газеты «Нью-Йорк таймс».

Суперобложка книги Пикетти, изданной в 2015 г. на русском языке, знакомит читателя с характеристиками и оценками французского экономиста и его сочинениями. Среди них мнения авторитетного в мире буржуазной науки журнала «Экономист» («Томас Пикетти — современный Карл Маркс <...> Эта книга об экономике покоряет мир»), газеты «Нью-Йорк таймс» («Захватывающе... Пикетти предлагает свежий, радикальный анализ мировой экономической истории, ставя под сомнение многие наши убеждения относительно устройства рыночной экономики. Его самая поразительная идея заключается в том, что давний догмат капитализма свободного рынка — вера в то, что неравенство в конечном счете стабилизируется и утихнет, — является в корне неверным»), а также лауреата Нобелевской премии по экономике Пола Кругмана («Пикетти изменил наше понимание экономики. Мы никогда не сможем рассуждать о богатстве и неравенстве так, как прежде»).

Пикетти — *буржуазный* экономист.

Он им является и с точки зрения объективно присущей буржуазному сознанию исторической ограниченности, и в силу своего *личного* отношения к классовому конфликту буржуазии и пролетариата.

Пикетти — *буржуазный* экономист. Он им является и с точки зрения объективно присущей буржуазному сознанию исторической ограниченности, и в силу своего *личного* отношения к классовому конфликту буржуазии и пролетариата, обусловленному противоречием между капиталом и наемным трудом.

И то, и другое, «личное» и «историческое», в его изложении выглядят так: «Прежде всего, уточню, что я — представитель поколения, которому было 18 лет, когда не только исполнилось двести лет с начала Французской революции, но еще и рухнула Берлинская стена... Я на всю жизнь получил прививку от банальных и ленивых антикапиталистических речей... Мне неинтересно обличать неравенство или капитализм как таковой... Меня привлекает идея внести свой... вклад в определение наиболее адекватных и эффективных способов социальной организации, институтов и государственной политики, которые действительно позволили бы создать справедливое общество в рамках правового государства, чьи законы известны заранее, применимы ко всем и могут подвергаться демократическому обсуждению» [9. С. 49].

Пикетти «неинтересно обличать» то, чему посвящена вся его книга, — неравенство *при* капитализме, потому что он верит (или хочет верить) в возможность «создать справедливое общество в рамках правового государства». Пикетти не знает, или, скорее, не хочет знать, что, кроме

буржуазного (*правового*) представления о равенстве и справедливости и наряду с ним, со времени зарождения капитализма и появления предпролетариата в реальной жизни существует *иное* (пролетарское, которое сливается с *общечеловеческим*) представление и требование *социального* равенства. Как буржуазный теоретик, он рассматривает «правовое государство» как «вечное и неизменное» образование, законы которого «известны *заранее* и применимы *ко всем*». Дискутировать с этой метафизической, антидиалектической и идеалистической точкой зрения бессмысленно. Разумеется, журнал «Экономист» сильно преувеличил, объявив его «современным Карлом Марксом».

При бесспорных достоинствах книги Пикетти ее объект исследования существенно *уже*, чем объект исследования Маркса, и относится к нему лишь как *часть* к *целому*. Причем (в отношении к «целому») не как базовая «часть», а как *производная* от той первопричины, которая лежит в основе бытия людей вообще и при капитализме в частности. И уже здесь кроются предпосылки его отказа от материализма и диалектики как мировоззренческих принципов подлинной науки.

Экономическая теория Маркса рассматривает капитализм как *целое*, каким является *способ производства средств для жизни* людей, в основе которого лежит производство *материальных благ*, а уже затем обмен, распределение и потребление произведенного трудом человека продукта. Анализ капитализма Марксом учитывает не только подлежащий распределению и потреблению произведенный продукт, но в первую очередь *отношения собственности на средства производства*, определяющие процессы его распределения и потребления.

Изучение же этих *производственных* отношений открывает дорогу к изучению социально-групповой (классовой) структуры буржуазного общества, познанию противоречивых, доходящих до антагонизма отношений наемных рабочих и капиталистов, что неизбежно приводит в конце концов к признанию классовой борьбы как капитального факта истории. Приводит к пониманию и признанию того, что «политика есть концентрированное выражение экономики» (Ленин).

«Капитал» Маркса — исследовательская магистраль *научного* изучения *всякого* способа производства средств существования людей, независимо от особенностей идеологической надстройки, возвышающейся над превратно отражаемой ее идеалистически мыслящими представителями экономикой. Пикетти же сосредоточивает внимание на второстепенных вопросах *неравенства* при *распределении дохода* между капиталом и трудом или целыми странами, а также на поиске возможностей *смягчения* возникающей из неравного распределения общественного богатства *социальной угрозы* для существования *буржуазного* общества.

Тем самым он обходит главный для организации экономической жизни людей (и политэкономии) вопрос о собственности на средства производства. Благодаря этому, оставаясь либеральным, предпочитающим верить в «вечность» буржуазного общества интеллектуалом, благополуч-

но для себя и к удовлетворению современных собственников капиталов он воздерживается от того, чтобы пройти выстроенный Марксом и успешно пройденный в XIX в. магистральный путь *научного* анализа капитализма как целостной социально-экономической системы.

Говоря о роли Маркса в развитии экономической науки, российский ученый М. Хазин в «Предисловии» к книге видного английского интеллектуала Терри Иглтона «Почему Маркс был прав» справедливо пишет: «Маркс не просто внес серьезный вклад в политэкономия, он принципиально изменил ее вид. Если до него политэкономия представляла собой набор отдельных теорий и концепций, принадлежащих разным людям, подходы которых довольно сильно различались, то Маркс превратил ее в целостную науку с единым системным подходом» [2. С. 11]. К этому надлежит добавить, что «единый системный подход» присущ не только экономической теории Маркса, но марксизму *в целом*.

Учение Маркса и Энгельса — не только марксистская *политэкономия* капитализма, но также опирающаяся на нее *теория социализма* (коммунизма) об условиях освобождения пролетариата и его *всемирно-исторической* миссии как осознанном революционном движении наемных работников от буржуазного жизнеустройства к обществу *социального равенства*, в котором не будет социальных *классов* и *классовых различий*. К тому обществу и такому равенству, необходимость наступления которого для гармоничного существования человечества либеральные критики капитализма вроде Т. Пикетти никак не хотят признать.

Вместо того, чтобы воспроизвести *марксистское* понимание «социального равенства» и признать, что исследуемое им неравенство является *следствием* существования при капитализме противоположных классов и классовых различий, Пикетти заявляет, что «социальное неравенство не представляет проблемы само по себе» [9. С. 49]. Отстаивая этот вполне логичный для буржуазного идеолога позднего капитализма тезис, он вступает в спор с первой статьей *буржуазной* «Декларации прав человека и гражданина» 1789 г., где говорится: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные различия могут основываться лишь на общей пользе».

Пикетти протестует против второй фразы этой статьи, утверждающей приоритет общего перед частным и допускающей возможность социальных различий лишь в одном случае — когда они «основаны на общей пользе». Отвергая ее, он заявляет, что «это определение социальной справедливости неточно...» [9. С. 49]. Между тем Маркс и Энгельс еще в середине XIX в. констатировали, что, если революционная буржуазия XVII—XVIII вв., идя к власти и не догадываясь тогда о преходящем характере своей роли в истории людей, еще могла говорить от имени всех «униженных и оскорбленных», признавать приоритет «общей пользы» перед частными интересами, то после завоевания ею этой власти она повсюду превращалась в консервативную и реакционную силу, защищающую свое *привилегированное* положение в обществе. Случай с Пикетти лишь еще раз подтверждает это наблюдение.

* * *

С «идеей» можно делать все что угодно, но любые манипуляции *сознания* с «сознанием» не отменяют исторической, обусловленной природой объекта *необходимости* как *единства возможности и действительности*, закономерности перехода первой во вторую в реальной истории. Будучи превратным, искаженным отражением действительности, или *идеологией*, такие манипуляции лишь осложняют текущее бытие людей, наполняют его еще большими невзгодами и трагедиями, что делает историческое движение от реальной возможности к действительности более зигзагообразным.

Столкнувшись с марксистским, полным и точным, включающим в себя точку зрения пролетариата пониманием и определением «социального равенства», Пикетти делает то, что уже тысячу раз делали до него другие буржуазные теоретики. Он просто игнорирует эту точку зрения и, ограничивая *идею* равенства людей точкой зрения буржуазии, говорит о равенстве *прав*, о «*правовом государстве*». Между тем то и другое существует только в сознании, в буржуазной идеологии, но в реальной жизни постоянно попирается и отрицается силой «денежного мешка», неравенством в распределении доходов и имуществе, о чем убедительно пишет сам французский историк-экономист.

Маркс — *пролетарский* революционер, отрицающий бесконечность существования буржуазного общества вместе с его капиталистически организованной экономической основой. Пикетти же с точки зрения диалектико-материалистической методологии марксизма — *типичный* буржуазный *социал-реформатор*, ищущий возможности «вечного» существования капиталистического общества путем смягчения органически ему присущих классовых противоречий и обусловленных ими социальных конфликтов.

Но в то же время Пикетти совсем *не* типичный буржуазный экономист с точки зрения самой буржуазной науки. Именно это обстоятельство делает его самобытным и видным теоретиком на фоне сотен других ученых адвокатов капитализма. И дело не в том, что при всем неприятии им Маркса как пролетарского революционера и теоретика коммунизма он в конце концов признает, что «марксистский анализ во многих отношениях сохраняет свою актуальность» и что «такому подходу должны были бы следовать и сегодняшние экономисты» [9. С. 28].

Воздавать должное автору «Капитала» вынуждены были все уважающие себя критики марксизма — от О. Бем-Баверка до Р. Арона. Однако реверанс Пикетти в сторону Маркса носит отнюдь не формальный, как у многих других буржуазных теоретиков, характер. Он на самом деле пытается, конечно, не в полной мере и непоследовательно, следовать «марксистскому анализу».

Прежде всего это проявляется в том, что Пикетти первостепенное значение придает сбору и обработке *эмпирических* фактов, становясь тем самым, пусть неосознанно, на материалистическую точку зрения. Сим-

волично, что метафизический разрыв между эмпирическим и теоретическим знанием в (буржуазной) экономической науке Пикетти впервые ощутил в цитадели современного капитализма — США.

Вот что он сам говорит по этому поводу: «Возможно, будет уместным сказать, что я тоже пережил американскую мечту в 22 года, когда сразу после получения докторской степени меня пригласил на работу один бостонский университет... И вместе с тем я сразу же понял, что хочу как можно скорее вернуться во Францию и Европу, что я и сделал уже в 25 лет... Одна из важных причин, предопределивших мой выбор, имеет прямое отношение к этой книге: американские экономисты меня не очень убедили. Конечно, все они были очень умными... Я быстро осознал, что со времен Кузнеца² исследовательская работа по сбору исторических данных относительно динамики неравенства (то, чем я занялся по возвращении во Францию) вообще не велась, но при этом экономисты по-прежнему накапливали чисто теоретические результаты, не зная даже, какие факты ими можно объяснить, и ждали от меня, что я буду делать то же самое» [9. С. 49].

Пикетти решил продолжить «дело Кузнеца» и применить его методы *эмпирического* исследования к французскому материалу. Результаты были опубликованы им в 2001 г. Затем французский экономист решил придать своему проекту — изучению динамики распределения богатства как в виде неравенства в распределении *доходов*, так и в виде распределения *имущества* в соотношении с получаемыми доходами — *международный* характер. Он нашел около трех десятков единомышленников из разных стран (Э. Аткинсон, Э. Саэза, Ф. Альваредо и др.), вместе с которыми собрал и опубликовал огромный фактический материал о неравенстве в распределении доходов и имущества в XX в. в десятках стран мира всех континентов.

Именно этот, дополненный им аналогичными данными XVIII—XIX вв., богатейший эмпирический материал лег в основу книги Пикетти о капитале в XXI в. и позволил автору сформулировать ряд неожиданных для современной буржуазной экономической науки выводов. Одним из них является то, что после так называемого славного тридцатилетия кейнсианской политики (1945—1975) мир возвращается к опасным тенденциям, свойственным эпохе индустриализации XIX в., когда неравенство в распределении доходов и имущества социальных групп и народов неуклонно увеличивалось и позднее, уже в XX в., обернулось двумя мировыми войнами.

Пикетти — неординарный, по-настоящему крупный представитель буржуазной экономической мысли еще и потому, что видит и правильно оценивает некоторые ее методологические изъяны, связанные с господством метафизического способа мышления в естествознании

² Саймон Кузнец (1901—1985) — американский экономист российского происхождения, который усовершенствовал методы расчета национального дохода и стал автором первых серий исторических данных, касавшихся экономического неравенства.

и буржуазном общественном познании. Чтобы лучше понять и оценить эту позицию Пикетти, совершим с помощью Энгельса небольшой экскурс в историю познания.

В разделе «Общие замечания» «Введения к “Анти-Дюрингу”» Энгельс обратил внимание на то, что «первоначальный, наивный, но по сути правильный взгляд на мир как бесконечное сплетение связей и взаимодействий, где все движется, изменяется, возникает и исчезает, который был присущ древнегреческой философии и впервые ясно выражен Гераклитом», все же «был недостаточен для объяснения тех частных, из которых складывается... общая картина» [10. С. 20].

Восстанавливая историю познания и вместе с тем методов изучения объективной реальности, Энгельс пишет: «Чтобы познавать эти частности, мы вынуждены вырывать их из их естественной или исторической связи и исследовать каждую в отдельности по ее свойствам, по ее особым причинам и следствиям и т. д. В этом состоит прежде всего задача естествознания и исторического исследования, т. е. тех отраслей науки, которые по вполне понятным причинам занимали у греков классических времен лишь подчиненное место, потому что грекам нужно было раньше всего другого накопить необходимый материал. Начатки точного исследования природы получили дальнейшее развитие впервые лишь у греков александрийского периода, а затем, в средние века, у арабов. Настоящее же естествознание начинается только со второй половины XV века... Разложение природы на ее отдельные части, разделение различных процессов и предметов природы на определенные классы, исследование внутреннего строения органических тел по их многообразным анатомическим формам — все это было основным условием тех исполинских успехов, которые были достигнуты в области познания природы за последние четыреста лет» [10. С. 20].

И тут же, продолжая ход своей мысли, Энгельс делает вывод, который имеет огромное значение для понимания истории и состояния *обществознания*, или «исторических исследований» нового и новейшего времени. Он пишет: «Но тот же самый способ изучения оставил нам... привычку рассматривать вещи и процессы природы в их обособленности, вне их великой общей связи, и в силу этого — не в движении, а в неподвижном состоянии, не как существенно изменчивые, а как вечно неизменные, не живыми, а мертвыми. Перенесенный Бэконом и Локком из естествознания в философию, этот способ понимания создал специфическую ограниченность последних столетий — метафизический способ мышления» [10. С. 20—21].

Естествознание, имея дело с более доступным познанию предметом, чем общество, идет впереди «исторических исследований» и является фундаментом всей современной науки. Когда в середине XVII в., на 200 лет позднее естествознания, началось «настоящее» общественное познание, то усвоенный к тому времени философией нового времени метафизический способ исследования уже стал господствующей в науке методологической *традицией*, которая с самого начала подчинила себе про-

цесс изучения человеческой истории. История, в том числе «философия истории», тут же стала распадаться на отдельные отрасли — экономику, право, теорию государства и т. д.

Расставание обществознания с философией как «матерью наук» протекало сложнее и болезненнее, чем у естествоиспытателей. Материя природы не знает идеологической надстройки, и потому объект естествознания, если не считать религиозных суеверий, прозрачнее и чище, чем материя общества (живые индивиды и их деятельность), которая окутана густым идеологическим туманом в виде мифических, утопических и вообще идеалистических испарений «ученого» и неученого ума.

В одном случае расставание с философией привело с помощью диалектики Гегеля и материализма Фейербаха к открытию Марксом материалистического понимания истории и созданию им вместе с Энгельсом «диалектического материализма» как *общенаучного* метода познания, годного для изучения природы, общества и сознания. В другом случае это обернулось созданием очередной философии в виде позитивизма Конта и его *социологии*, которой он и его последователи попытались заменить то, что раньше относилось к «истории».

В последующем уже в самой социологии, а также в состоявшейся к тому времени в качестве самостоятельной отрасли знания *политэкономии* повторилось то, что уже происходило в естествознании Нового времени: начался процесс разложения исследовательским умом общества и его экономической основы на отдельные части. В течение XIX—XX вв. в социологии возникли десятки *частных* «социологий». В буржуазной экономической науке наряду с возникновением *отраслевых*, ориентированных как на отрасли самой экономической деятельности людей, так и отрасли знания (историю, социологию, математику и т. д.) «экономик» все это время наблюдались позитивистские попытки отделить экономику от политики и изучать ее в «чистом» виде.

Одновременно с этим в познании общества, его отдельных социологических и экономических «частей» все более укреплялся «метафизический способ мышления», *диалектическое* описание которого мы находим опять-таки у Энгельса. Автор «Анти-Дюринга» писал: «Для метафизика вещи и их мысленные отражения, понятия, суть отдельные, неизменные, застывшие, раз навсегда данные предметы, подлежащие исследованию один после другого и один независимо от другого... Этот способ мышления кажется нам на первый взгляд вполне приемлемым потому, что он присущ так называемому здравому человеческому рассудку. Но здравый человеческий рассудок, весьма почтенный спутник в четырех стенах своего домашнего обихода, переживает самые удивительные приключения, лишь только он отважится выйти на широкий простор исследования. Метафизический способ понимания, хотя и является правомерным и даже необходимым в известных областях..., рано или поздно достигает... того предела, за которым он становится односторонним, ограниченным, абстрактным и запутывается в неразрешимых противоречиях...» [10. С. 21].

Вся история буржуазной экономической науки, как и других частных научных дисциплин, является наглядной иллюстрацией к диалектическому представлению Энгельса об истории познания и особенностях метафизического способа мышления, а также к самому факту господства метафизики в этих дисциплинах, где диалектика до сих пор редкий и, как правило, случайный гость.

Для буржуазии, при ее диктуемом узкочастными, классовыми интересами, ограниченном отношении к всемирной истории, метафизический способ мышления пришелся ко двору. Гносеологическая ограниченность сформировавшейся в качестве способа мышления метафизики еще в то время, когда буржуазия была революционной силой в феодальном обществе, позднее, когда задача завоевать власть осталась в прошлом и возникла необходимость защищать завоеванное ею привилегированное положение, превратилась в оружие, служащее *псевдонаучным*, узкокорыстным целям. Можно сказать, метафизика *органична* социальной природе буржуазии.

В отличие от многих пролетарских писателей, которые всегда были очень внимательны к исследованиям крупных буржуазных авторов, свидетельством чего в первую очередь является сам «Капитал» Маркса, теоретики буржуазии в отношении социалистической литературы никогда не были столь любознательны. Так, мы не находим в работе Пикетти следов достаточно подробного изучения марксизма, включая работы Энгельса. Но как честный и широко образованный исследователь, к тому же опирающийся не на «чисто теоретические результаты», а на эмпирические факты, он интуитивно чувствует недостаточность метафизического способа мышления для познания объективной истины. Отсюда его «бунтарские», для многих экономистов неприятные, суждения о состоянии и результатах их работы.

Уже во «Введении», определяя теоретические и концептуальные рамки своего исследования, он заявляет, что «экономическая наука так и не избавилась от детского пристрастия к математике и чисто теоретическим и зачастую очень идеологическим рассуждениям, которые препятствуют историческим исследованиям и сближению экономики с другими социальными науками» [9. С. 49]. Это суждение опирается и на личный опыт Пикетти, докторская диссертация которого была посвящена абстрактным математическим теоремам, но который всегда мечтал попасть в Высшую школу социальных наук Парижа, поскольку в ней, пишет он, «блистали такие ученые, как Люсьен Февр, Фернан Бродель, Клод Леви-Стресс, Пьер Бурдьё, Франсуаза Эришье, Морис Годелье и многие другие» [9. С. 50]. Не секрет, что Франция намного богаче крупными историками и мыслителями, чем США, что позволяет ее экономистам шире смотреть на процесс познания, его историю и теорию. Не случайно, вспомнив громкие имена ряда французских ученых, Пикетти признается, что они вызывают у него «большее восхищение, чем Роберт Солоу или даже Саймон Кузнец» [9. С. 50].

От широты знаний идет и тот осознающий относительность всякого познания и в этом смысле диалектический взгляд Пикетти, что «экономике вообще не следовало отделяться от прочих социальных наук: она может развиваться только в их рамках. Мы слишком мало знаем о социальных науках, чтобы так глупо делить их на обособленные дисциплины» [9. С. 50]. Не случайно он сам называет свою книгу «и экономической, и исторической» [9. С. 51].

К теме (диалектической) взаимосвязи социальных наук Пикетти возвращается в параграфе «К исторической и политической экономии» своего «Заключения». Там он пишет: «Я считаю экономику лишь одной из общественных наук наряду с историей, социологией, антропологией, политологией и многими другими... Словосочетание “экономическая наука” кажется мне невероятно надменным и может внушить мысль, что экономика обладает особой научностью, отличающей ее от прочих социальных наук. Я предпочитаю термин “политическая экономия”, который, возможно, звучит... старомодно, но... отражает единственную приемлемую особенность экономики в рамках общественных наук, которая заключается в ее политическом, нормативном и нравственном измерении» [9. С. 587].

Интуитивное движение Пикетти в сторону материализма и диалектики, вызванное его неудовлетворенностью состоянием современного обществознания в целом и экономических исследований в частности, стало одной из причин заслуженного успеха его книги в мире «буржуазной науки». Но это движение не вывело его за пределы буржуазного кругозора и тех задач, которые решает буржуазная наука. «С самого своего появления, — утверждает Пикетти, — политическая экономия стремится научно, или, по крайней мере, рационально, систематически и методически исследовать, какой должна быть идеальная роль государства в социальной и экономической организации страны, какие государственные институты и политические меры в наибольшей степени приближают нас к идеальному обществу» [9. С. 587].

«Идеальное государство», «идеальное общество» — вот та многотысячелетняя утопическая традиция от Платона до Канта и Гегеля, перед которой пасует бунтарский дух буржуазного экономиста Пикетти.

Литература

1. **Дмитриев А. Н.** Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа (1920—1930-е гг.). СПб. : Издательство Европейского университета, 2004.
2. **Иглтон Т.** Почему Маркс был прав. М. : Карьера Пресс, 2013.
3. **Ленин В. И.** Карл Маркс // **Он же.** Полное собрание сочинений. Т. 26. М. : Политиздат, 1961.
4. **Ленин В. И.** Материализм и эмпириокритицизм // **Он же.** Полное собрание сочинений. Т. 18. М. : Политиздат, 1961.
5. **Ленин В. И.** Письмо к съезду // **Он же.** Полное собрание сочинений. Т. 45. М. : Политиздат, 1964.

6. **Маркс К.** Капитал // **Маркс К., Энгельс Ф.** Сочинения. Т. 23. М. : Политиздат, 1960.
7. **Маркс К.** [Капитал] Книга первая. Глава шестая // **Маркс К., Энгельс Ф.** Сочинения. Т. 49. М. : Политиздат, 1974.
8. **Маркс К.** Ницета философии // **Маркс К., Энгельс Ф.** Сочинения. Т. 4. М. : Политиздат, 1955.
9. **Пикетти Т.** Капитал в XXI веке. М. : Ад Маргинем Пресс, 2015.
10. **Энгельс Ф.** Анти-Дюринг // **Маркс К., Энгельс Ф.** Сочинения. Т. 20. М. : Политиздат, 1961. ◆